

А.Т.Кайдар [3,36] можно разделить устойчивые словосочетания по типу сформированности на следующие 8 групп:

1. по отношению к характеру человека;
2. к социальной, общественно-бытовой деятельности народа,
3. по отношению к традициям, обычаям, поверьям народа;
4. к национальному мировоззрению;
5. к национальной единицы меры;
6. к благодарению-проклятию, пожеланию;
7. к цвету растений;
8. по отношению к характеру животных.

Значительный пласт фразеологии русского и казахского языков составляют устойчивые и воспроизводимые сочетания слов, фразеологическая специфика которых основывается на традиционном сравнении. Например, чтобы показать черты характера спокойного, смиренного, робкого, застенчивого, скромного человека в обоих языках выступают фразеологизмы с компонентами названия растений или собирательного значения растений (травы – шөп):

«Бетегеден биік, жусаннан аласа» (букв. выше полыни, ниже ковыля) или «Қой аузынан шөп алмайды» (букв. травы не отберет, даже у овец). Эквивалентными этим пословицам в русском языке являются: – тише воды, ниже травы; мухи не обидит.

В настоящем исследовании была предпринята попытка всестороннего описания фразеологических единиц с флористическим компонентом.

Полноценное и многостороннее описание стало возможным, благодаря учету лексикологических, лексикографических и лингвокультурологических характеристик названных единиц.

Процесс формирования фразеологической семантики в подавляющем большинстве случаев основан на метафоре. Рассмотрение основных моделей формирования семантического переноса способствовало выявлению системных отношений и связей между миром растений и миром человека, которые получили свое последовательное отражение в казахском языке. В результате сравнительного исследования словарных дефиниций ФЕ и компонентов – фитонимов в их составе было установлено, что к типичными признаками, на которых базируется метафоризация в исследуемой группе, относятся: 1) внешний вид, 2) внутренние свойства, качества, 3) концептуальная метафора «Человек – растение», 4) общность действия.

Анализ языкового материала показал, что большинство единиц было образовано в результате переосмысления действия, объектом которого является то или иное растение (т.е. последний признак). Это объясняется тем, что представители флоры сами по себе пассивны и часто используются человеком в различных целях (в отличие, например, от животных).

Таким образом, предлагаемое комплексное исследование флористических ФЕ, результатом которого стали разработанные классификации, а также фразеологический словарь, способствует выявлению способов организации исследуемого пласта казахской фразеологии и фразеологического состава казахского языка в целом, изучению существующих отношений и связей в данной группе, установлению функциональных характеристик названных единиц.

В перспективе возможно выявление основных структурных характеристик исследуемой группы, а также рассмотрение флористических фразеологизмов с позиции когнитивной лингвистики, с целью установления основных концептов, выражаемых данными единицами.

Список литературы

1. Абаева М.К. Фразеологическая семантика как часть языковой картины мира // Национально-культурный компонент в тексте и языке. Ч.2. – Мн., 1999. – С. 3-4.
2. Малоха М. Оппозиция природа – культура в польских и восточнославянских фразеологизмах с компонентами – названиями сорных трав // Актуальные проблемы исследования языка и речи. Ч. 2. – Мн., 2001. – С. 162-164.
3. Кайдар А.Т. Историческая лексикология казахского языка: проблемы и задачи // Проблемы казахской исторической лексикологии. – Алматы: Гылым, 1998. – 33-339 с.
4. Малоха М. Хвойные дрэвы ў народнай культуры і фразеалогіі славян // Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Серыя 4. – 1997. – №1. – С. 40-44.
5. Шведова Н.Ю. Русский семантический словарь, 1999. – С. 4.
6. Калиев Б. Названия растений в казахском языке, 1988. – С. 160.
7. Кайдар А.Т. Историческая лексикология казахского языка: проблемы и задачи. // Проблемы казахской исторической лексикологии. – Алматы: Гылым., 1998. – 33-339 с.

КОНЦЕПТОСФЕРА ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

Климович О.В.

Баширский государственный университет, Уфа, e-mail:
ksundel.o@mail.ru

Существование общественных форм сознания и соответствующих «картин» мира с убедительностью доказывает, что в сознании человека присутствует отражённая картина окружающей действительности и внутреннего мира, в формировании которой чрезвычайно велика роль языка. Язык, являющийся формой существования мыслительной деятельности человека, охватывает собою все сферы индивидуальной и общественной жизни человека и является составной частью человеческой природы, практической и теоретической деятельности как индивидуума, так и социума. Предпосылкой существования человеческого общества является освоение окружающей природы и обеспечение таким образом жизнедеятельности человека и общества.

Освоение мира есть не что иное, как познание его закономерностей и использование их в трудовом процессе для удовлетворения материальных и духовных потребностей человека.

Таким образом, следует различать две картины мира – концептуальную и языковую. Под концептуальной картиной мира подразумевается не только знание, которое выступает как результат мыслительного отражения действительности, но и итог чувственного познания. Языковая картина мира – это вся информация о внешнем и внутреннем мире, закреплённая языковыми средствами. Сердцевиной концептуальной картины мира является информация, данная в понятиях, главное же в языковой картине мира – это знание, закреплённое в словах и словосочетаниях конкретных языков. Языковая картина мира имеет, таким образом, двойную природу: она принадлежит системе знания и системе языка. Являясь способом хранения языковых знаний и знаний о мире, языковая картина мира не самостоятельна, она неотделима от концептуальной картины мира.

Языковое представление мира, то есть отражение в речи тех важных для говорящего моментов, посредством которых характеризуется мир, можно рассматривать как языковое мышление. Во-первых, представление мира – это его осмысление, интерпретация; во-вторых, это отражение носит языковой характер, так как оно осуществляется в форме языка.

Соотношение между отдельным участком мира и его языковым представлением можно определить как языковую ментальность, поэтому языковая ментальность есть своеобразная «манера письма». «Под миром в определении языковой ментальности следует понимать не только мир, окружающий человека, но

и мир, создаваемый человеком и нередко в большей части своего объёма прекращающий своё существование, когда исчезает его создатель и носитель – человек, то есть мир речевых действий человека и его состояний» [Почепцов 1990: 120]. Из этого следует, что «языковые данные играют решающую роль в выявлении фундаментальных моделей мышления у различных групп населения» [Вежицкая 1996: 291 – 292].

Рассматривая языковое мышление как совокупность языка-системы и языка-речи в их единстве, О.Г. Почепцов исходит из следующего понимания мира:

- а) мир является единым для всех;
- б) мир носит континуумный характер;
- в) мир информационно полон.

Мир является единым для всех. Для людей характерны индивидуальные психологические и ментальные миры, которые по своей сущности едины [Почепцов 1990: 120–122]. Одна из особенностей функционирования психики человека состоит в интериоризации структуры его внешней, социально-символической деятельности. В качестве универсального орудия, изменяющего психические функции человека в культурно-исторической теории, выступает языковой знак-слово [Прибрам 1975: 338 – 460; Звегинцев 1982: 71–81; Залевская 1991: 130–131].

Следовательно, отражение мира, воплощённое в слове, позволяет судить об уровне культуры, то есть ступени развития культурного архетипа, ибо атрибутом последнего является идентичность. Идентичность проявляется в способности людей наделять значениями одни и те же явления объективного и субъективного мира, т.е. тождественным образом их сознательно интерпретировать и выражать в одних и тех же символах, иначе говоря, нарекать [Залевская 1999: 38; Солсо 1996].

Мир носит континуумный характер. Человек делит мир как физически (с помощью границ), так и с помощью языка – как единства системы и деятельности. Это деление происходит путём наложения на мир «концептуальной сетки» (в терминологии Н.Д. Арутюновой [Арутюнова 1999]), т.е. выделения концептов, и «ситуативной сетки», т.е. выделения ситуаций. Континуальность мира не происходит бесследно для отражающих его концептов.

Мир информационно полон. В мире нет ничего «недосказанного»: информацию о себе мир содержит в полном объёме. Иначе обстоит дело с языковым представлением мира. Оно может быть неполным и неточным, т.к. человек отражает мир на уровне отдельных моментов («пиков»), кроме того, человек просто не может узнать мир как индивид или не знает мир в качестве представителя социума. Последние два положения показывают, что языковое мышление отражает уровень знаний человека о мире как представителя некоего общества, откуда следует, что языковое мышление частично отражает и уровень знаний о мире данного общества. Следовательно, языковая ментальность – это способ языкового представления мира и отражение соотношений между миром и его языковым образом.

Таким образом, все знания, которые имеет человек, можно разделить на языковые и неязыковые. Не случайно философы отмечают, что «всё познается умом двумя способами: либо через сущность названия, либо через сущность вещи» [Гречаный 1990: 107].

Психологи также пишут о том, что язык участвует во многих видах человеческого мышления и решения задач и что «...многие, если не большинство из видов мышления и решения задач, происходят «внутренне» – при отсутствии внешних стимулов. Абстракции, выраженные вербальными символами, позволяют

нам судить о таких событиях» [Солсо 1996: 347]. Это становится возможным потому, что «слово не только обозначает предмет, но и выполняет сложнейшую функцию анализа предмета, передаёт опыт, который сформулирован в процессе исторического развития поколений» [Лурия 1979: 45].

Язык человека – это «поверхностная структура, в которой с помощью текстов фиксируется модель мира, которую мы несём в своём сознании» [Тураева 1994: 105 – 114; см. также: Рогожникова 2000: 7]. Модель мира есть «сетка координат», при посредстве которых люди воспринимают действительность и строят образ мира, существующий в их сознании» [Гуревич 1972: 15 – 16]. Образ мира является «отражением в психике человека предметной окружающей действительности, опосредованным предметными значениями и соответствующими когнитивными схемами» [Леонтьев 1993: 18]. Образ мира – это «результат прошлого народа, к которому мы себя причисляем» [Уфимцева 2000: 139].

Мир, отражённый в сознании человека, несёт в себе многомерную, сложнейшую систему концептов, из которых складывается определённая картина воспринимаемой действительности – языковая картина мира. Человек стремится каким-то адекватным способом создать себе простую и ясную картину мира для того, чтобы оторваться от мира ощущений, чтобы в известной степени попытаться заменить этот мир созданной таким образом картиной. Этим занимаются художник и поэт, теоретизирующий философ и естествоиспытатель, но каждый по-своему. «На эту картину и её оформление человек переносит центр тяжести своей духовной жизни, чтобы в ней обрести покой и уверенность, которые он не может найти в слишком тесном, головокружительном круговороте собственной жизни», – отмечал Эйнштейн [цит. по: Серебренников, Кубрякова, Постовалова 1988: 26].

Феномен, именуемый «картиной мира», так же древен, как и сам человек. Создание первых картин мира совпадает по времени с процессом антропогенеза, однако лишь в последнее время «картина мира» как явление стала предметом науки.

Термин «картина мира» появился в конце XIX – начале XX века в физике. Впервые его ввёл немецкий физик Г. Герц, который охарактеризовал картину мира как «логически необходимые следствия представлений, являвшихся в свою очередь образами естественно необходимых следствий отображённых предметов» [см.: Серебренников, Кубрякова, Постовалова 1988: 27].

Термином «картина мира» пользовался и М. Планк, понимая под физической картиной мира образ мира, формируемый физической наукой и отражающий разные закономерности природы. Планк выделял физическую картину мира, научную и практическую, связывая с последней чувственные ощущения [см.: Серебренников, Кубрякова, Постовалова 1988: 28].

Ю.Д. Апресян проводит разграничение картины мира на научную и наивную (ненаучную). При этом он совершенно справедливо полагает, что в языке отражается наивное понятие о свойстве, вещи, действии. И складывающаяся веками наивная картина мира может разительным образом отличаться от чисто научной картины мира, которая является общей для людей, говорящих на разных языках. «Чтобы правильно истолковать значение слова, мы должны мысленно нарисовать более сложную картину человеческой психики, включающую представление о двух типах принципиально различных устройств: а) устройство, с помощью которого мы чувствуем (душа, сердце); логически осваиваем мир (ум) и фи-

зически ведём себя (тело); б) устройства, следящие за нашим поведением и контролирующие его (воля)» [Апресян 1995: 56, 100].

В аспекте философии и логики термин «картина мира» впервые был предложен Л. Витгенштейном [Витгенштейн 1981]. В антропологию, семиотику и лингвистику (ибо язык есть самая универсальная и общезначимая система знаков) термин был введён Л. Вайсгербером [Вайсгербер 1993]. В настоящее время под научной картиной мира понимают систему наиболее обширных представлений о мире, выработанных в науке.

Помимо научной картины мира, в которой отражаются научные знания о мире, существуют обыденные, или наивные, знания [Чернейко 1997: 182 – 183]. Обыденное знание – «знание жизненно-практическое, не получившее строго концептуального, системно-логического оформления, не требующее для своего усвоения и передачи специального обучения и подготовки и являющееся общим внепрофессиональным достоянием всех членов общества» [Пушканский 1987: 24]. Обыденное знание самым тесным образом связано с языковым; именно языковое знание порождает мифологемы сознания и выявляет их, поскольку оно часто противопоставляется неязыковому как вне-рациональное рациональному. В свою очередь, рациональное знание обеспечивает понимание логических отношений между явлениями мира, а вне-рациональное языковое – восприятие сублогических связей (главным образом ассоциативных, метафорических) между ними [Чернейко 1997: 185 – 186].

В частности, А.Я. Гуревич отмечает, что «когда мы говорим о переживании таких категорий, как пространство и время, то предполагаем относительно непосредственное к ним отношение не столько на уровне идеологическом, сколько на уровне социально-психологическом, в сфере мироощущения, а не миропонимания, хотя сознаём, в какой мере обе эти сферы взаимосвязаны бесчисленными переходами и переливами» [Гуревич 1972: 23].

Поскольку в формировании когнитивной картины мира принимают участие все стороны психической деятельности человека, начиная с ощущений, восприятий, представлений и кончая высшими формами – мышлением и самосознанием, то всякая попытка обнаружить какой-либо один процесс, связанный с формированием картины мира у человека, окончится неудачей. «Человек ощущает мир, постигает его, созерцает, осмысляет, интерпретирует, отражает и отображает, пребывает в нём, представляет себе возможные миры» [Плаксина 1998: 234]. Картина мира предстаёт при такой трактовке, считают [Серебренников, Кубрякова, Постовалова 1988: 118], «как субъективный образ объективной реальности и входит, следовательно, в класс идеального, которое не перестаёт быть образом реальности, опредмечиваясь в знаковых формах, не запечатлеваясь полностью ни в одной из них». Образ мира возникает в различных актах мироощущения, мировосприятия, в актах мироздания. Сознание человека, формирующее идеальный образ внешнего мира, есть не только знание об объекте познания, но также некое эмоционально окрашенное переживание [см. также: Никитина 1989; Мягкова 1990].

В целом картина мира предстаёт как сложное «пересечение» разных картин, не случайно различные воплощения картины мира как идеального образа в семиотике интерпретируются как особые языки и тексты на этих языках, опираясь на которые реконструируют существующую картину мира [см. также: Иванов, Топоров 1965; Новиков 1983; Павилёнис 1983; Перельгина 1993].

Семиотические воплощения картины мира неоднородны. Тексты – воплощатели концептуальных систем – прежде всего различаются по сущности знаков, образующих эти тексты, в качестве которых может служить письменная или устная речь, нотные знаки, знаки, используемые в математике, химии и т.п. [Шахнарович, Габ 1991: 71]. Семиотические воплощения картины мира неоднородны и с точки зрения своей осознаваемости. Так, некоторые из них могут осознаваться коллективом носителей этой картины мира, другие же относятся к области действия бессознательной психологии [Философская энциклопедия т. 5 1970: 43 – 46].

Бессознательное – это часть нашей ментальной структуры, которая контролируется нами в незначительной степени и в которой откладываются всякого рода впечатления и ощущения, включая мысли и даже умозаключения, которые мы не осознаём.

Идея двойного бытия мироздания и картины мира невидимого и видимого, как инобытия видимого, и возможность воссоздания невидимого из видимого высказывалась разными учёными и философами [Философская энциклопедия 1970; Перцова 1988; Почепцов 1990]. Определённая часть глобальной концептуальной картины мира представлена в так называемой языковой картине мира. Связь языковой картины мира с концептуальной осуществляется именно «через посредство слова» [Кубрякова 1997: 52]. Языковая картина мира есть мир в зеркале языка. Это особое образование, постоянно участвующее в познании мира и задающее образцы интерпретации воспринимаемого. «Это своеобразная сетка, накладываемая на наше восприятие, на его оценку, влияющая на членение опыта и выделение ситуаций и событий и т.п. через призму языка и опыта, приобретение его вместе с усвоением языка» [Кубрякова 1997: 47]. Таким образом, языковая картина мира – часть когнитивной картины мира, которая имеет привязку к языку и преломляется через языковые формы. Представления говорящего о картине мира нередко отличаются от объективных свойств предметов, явлений и отношений внешнего мира и от научных представлений о них [Бондарко 1992: 15].

Список литературы

1. Агапкина Т.А. Концепт движения в языке и культуре / Институт славяноведения и балканистики РАН. – М.: Индрик, 1996. – 383 с.
2. Агапкина Т.А. Мифопоэтические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл. – М.: Индрик, 2002. – 816 с.
3. Александрова И.А. Мода и преступность: дисс. канд. юрид. наук. Н. Новгород: НЮИ МВД, 1999. 290 с.
4. Вежицкая А. Язык. Культура. Познание. Пер. с англ. / Отв. ред. М.А. Кронгауз, вступ. ст. Е.В. Падучева. – М.: Русские словари, 1996. – 416 с.
5. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М.: Искусство, 1972. 318 с.
6. Залевская А.А. Проблемы семантики: психолингвистические исследования: Сб. науч. тр. / Отв. ред. Залевская А.А. Тверь: Изд-во Тверского государственного университета, 1991. – 153 с.
7. Залевская А.А. Введение в психолингвистику: Учебник для студентов вузов, обучающихся по филол. специальностям. – М.: Российский государственный гуманитарный университет, 1999. – 381 с.
8. Лурия А.Р. Язык и сознание / Под ред. Е.Д. Хомской. – М.: Изд-во МГУ, 1979. – 320 с.
9. Почепцов О.Г. Языковая ментальность: способ представления мира // Вопросы языкознания. – 1990. № 6. – С. 110–122.
10. Прибрам 1975 – Прибрам К. Языки мозга. Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1975. – 463 с.
11. Рогожникова Т.М. Психологические исследования функционирования многозначного слова: Монография. – Уфа: Уфимский государственный авиационный технический университет, 2000. – 242 с.
12. Соколовская Ж.П. «Картина мира» в значениях слов: «семантические фантазии» или «катехизис семантики»? – М.: Русский язык, 1986. – 152 с.
13. Солсо Р.Л. Когнитивная психология. – М.: Тривола, 1996. – 600 с.
14. Тураева З.Я. Лингвистика текста и категория модальности // Вопросы языкознания. – 1994. № 3. – С. 105–114.
15. Фаткуллина Ф.Г. Концепт «деструкция» и способы его представления в языке // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. – 2010. – №2.